



В качестве эксперимента

*"Привычка свыше нам дана,
Замена счастью она"*

*"Привычка свыше нам дана,
Замена счастью она"
А.С. Пушкин*

Она проснулась, но не почувствовала желания узнать, где находится.

Сперва появилось ощущение: она существует, она жива, когда должна была быть мертвой; потом – сознание того, что боль стала полновластной хозяйкой ее тела.

А потом мысль: "О боже, теперь я буду не просто некрасивой, а несовершенной".

От этой мысли по ней прокатилась волна паники, но она была слишком усталой, чтобы долго испытывать какое бы то ни было чувство, и скоро заснула.

Потом, когда проснулась во второй раз, она задумалась: и где же она теперь?

Понять это было невозможно. Вокруг мрак и молчание – мрак полный, молчание абсолютное. Она снова ощутила боль – тупую, равномерно разлившуюся по всему телу. Ныли ноги и руки. Она попыталась их поднять и обнаружила, что они ее не слушаются. Попыталась согнуть пальцы – и тоже не смогла.

Она была парализована, не один мускул ей не повиновался.

Безмолвие было таким полным, что навредило страх. Ни намек на шорох. До этого она была на вечеринке, но сейчас не было слышно никаких привычных звуков: ни разговоров, ни ритмов музыки, ни голоса Дина, ни даже медленного ритма собственного дыхания.

Потребовалась целая минута, чтобы она поняла, почему ничего не слышит; а когда поняла, то не могла в понятое поверить. Но скоро ей стало ясно, что она не ошиблась: такое безмолвие царит потому, что она слышать она не может.

А также стало ясно другое: мрак так непрогляден потому, что она не способна видеть.

И еще одна мысль: почему, чувствуя боль в ногах и руках, она в то же время не может ими двигать? Что за странная форма паралича?

Она гнала от себя ответ, но неодолимо, хотя и медленно, он обретал ясные очертания: это вовсе не паралич. Она не может двигать руками и ногами потому, что нет нервов, которые ими управляют. Боли, которые она испытывает, – фантомные, они не вызваны никакими внешними раздражениями. Они вызваны представлениями, что если она чего-то не чувствует, значит там что-то не так, значит повреждение, значит проблема, поломка.

Когда все это дошло до нее окончательно, мозг выдал импульс и она впала в обморочное состояние.

Очнулась она против своей воли. Отчаянно, изо всех сил она попыталась не думать и не чувствовать – подобно тому, как уже не видели ее глаза и не слышали уши.

Но назойливо лезли в голову мысли: я вообще жива? Мыслию – значит существую? Только существую?! И что есть сейчас для меня "существую"? Почему не погибла во время катастрофы?

Дин наверняка ушел. Он ушел совершенно неожиданно, катастрофа оказалась неизбежна. Чудо, что осталась она, если это можно назвать спасением: невидящее, неходящее, непрочее существо, лишенное всяких средств связи с внешним миром, она теперь была более мертвой, чем живой. И нельзя верить, чтобы Дин тоже мог остаться – так же, как и она. Так лучше – Дину теперь не придется, глядя на нее, подавлять дрожь ужаса, не придется переживать из-за того, что стало с ним самим. Он всегда был красавцем, и для него увидеть себя не в порядке равносильно смерти.

Надо найти способ последовать за ним, выключить себя. Конечно, это очень трудно, когда у тебя нет ничего чем бы это можно было сделать, нет возможности узнать, где ты и что тебя окружает; но все равно, рано или поздно она что-нибудь придумает.

Она не потеряла сознания, хотя желала этого всей душой. Она подумала: "Нужно просто напрячь волю, заставить себя. Отключайся, беспомощное существо, оборви пытку, выключись, клац и все, ну же, клац, клац!.."

Не получилось, и через некоторое время ей пришла в голову новая мысль: кроме них с Динем в их мире никого не было, и не было никакого другого где-либо вблизи. И быть не могло? Кто же тогда не дал ей клацнуть? Кто подобрал ее искалеченную душу, остановил поток мыслей, стал лечить ее раны, сохранил ей жизнь? И для чего?

Безмолвие не давало ответа, и не давал ответа собственный ее разум. Прошла целая вечность, и она вновь погрузилась в сон.

А когда проснулась, услышала голос:

- Вы чувствуете себя лучше?

- "Я слышу! - мысленно закричала она. - Какой странный голос, с таким необычным акцентом. Вообразить что-нибудь похожее я бы никогда сама не смогла, - значит, я уже не глухая! А может и не слепая? Может, это просто был кошмар, и..."

- Я знаю, что ответить вы не можете. Но не бойтесь, скоро вы снова будете говорить.

Чей это голос? Мужчины? Точно не женщины. Странно хриплый, но с четкой артикуляцией, монотонный и вместе с тем приятный.

- Он тоже тут. К счастью, и он, и вы попали к нам сразу после наступления момента.

К счастью? Ее охватила ярость. Лучше бы вы нам не мешали! Хватит того, что осталась в живых я, беспомощная калека, во всем зависящая от других. Но знать, что Дин, знать, что он увидит меня такой, какой я стала теперь - уязвимой до противного... Нет, мне этого не вынести. Верните мне дар речи, и первое, о чем я попрошу, так это чтобы меня отключили. Я не хочу так!

- Возможно, желание отключиться, которое вы сейчас испытываете, покинет вас, когда вы узнаете, что способность владеть конечностями и органами чувств будет вам возвращена. На это потребуется некоторое время, но сомнений в исходе нет никаких.

Что за бред?! Да, она знает, что медицина преуспела в создании искусственных рук и ног, ни в чем не уступающих естественным, что-то читала об искусственном интеллекте; но ей, если она правильно поняла, обещают вернуть собственные? Вернуть? И даже - она сама это слышала - собственные органы чувств! Только внешние? Значит, речь идет не об электронных заморочках, а о...

Чушь, ей обещают невозможное. Говорят просто для поднятия духа, как принято среди врачей. Говорят, чтобы придать ей мужества, подбодрить, но бороться не стоит - у нее не хватит для этого сил. Она хочет ... и как можно скорее. Стоп! У меня есть желание, это уже неплохо. Я хочу только этого? Хочу. Хочу!

- Вероятно, вы догадываетесь, что я не то существо, которое бы вы называли, мужчиной. Но это не должно вас тревожить - мне не составит никакого труда восстановить вас в том виде, какой вы сами сочли бы, ээээ, правильным.

Голос умолк. Может, это и к лучшему - ей и так много было сказано. К тому же она не может отвечать на вопросы и задавать свои, ведь их у нее столько!

Так значит это не мужчина?... Тогда кто же? Почему у него такой голос? Что он сделает с ней, когда он восстановит ее?

Она знала: существуют чудики, которым неведомо понятие гармонии. У других же людей, если оно и есть, это понятие не имеет ничего общего с общепринятым. Не сочтет ли говорившее с ней существо, что оно вполне ее восстановило, снабдив ее руками, ногами и глазами, одновременно придаст ей вид, о господи, страшилища? Она видела картины Пикассо. Не станет ли оно при этом гордиться своим искусством - как когда-то гордились врачи на земле, если им удавалось сохранить жизнь

обезображенным калекам с плохо работающими органами? Не превратит ли оно ее в нечто такое, от чего Дин будет отвращаться с дрожью и омерзением?

Дин всегда был немного излишне чувствителен к внешности женщин. Выбор у него был большой, и до знакомства ней он обращал внимание только на внешность. Она никогда не могла понять, почему он до сих пор с ней. Может, она выделялась тем, что среди всех его знакомых единственная не была красавицей? А может, в таком выборе скрывалась даже некоторая жестокость? Может, ему нужен был кто-то не слишком уверенный в себе, кто-то, на чью привязанность он мог рассчитывать в любых обстоятельствах? Она вспомнила, как пристально порой смотрели люди на них: красавца мужчину и некрасивую женщину, а потом перешептывались, в открытую удивляясь тому, что такой, как он, мог с такой как она. Дину это определенно нравилось. А ей?

Задавая себе многочисленные вопросы, она незаметно заснула, а потом просыпалась и засыпала, снова и снова, много раз. А потом она опять услышала голос и, к своему удивлению, обнаружила, что в состоянии отвечать. Медленно, неуверенно, временами с мучительным трудом, но она могла говорить снова.

- Я над вами работаю, - сказал голос. - Пока все идет очень неплохо.
- Я... я... Как я выгляжу?
- Еще не завершенной.
- Наверно, я... безобразная?

Последовала пауза.

- Нет, вы вовсе не безобразны. Во всяком случае, для меня. Просто вы еще не завершены.

- Дин был бы совсем другого мнения.

- Я не знаю, какого мнения был бы Дин. Вероятно, он не любит видеть несовершенные живые существа. Возможно, его привел бы в ужас даже его собственный вид в зеркале.

- Я... я не об этом не думала. Но он... Мы поправимся оба?

- Никаких неразрешимых проблем ни в вашем случае, ни в его случае не возникает. Совершенно.

- Но почему... почему, раз это в ваших силах, вы до сих пор не восстановили мое зрение? Или вы... боитесь, что я увижу вас и... и испугаюсь?

Снова пауза. Когда же зазвучал ответ, ей показалось, что говорящий улыбается.

- Пожалуй, нет. Нет, не поэтому.

- Тогда потому, что... Как вы сказали о Дине... что я покажусь страшной самой себе?

- Это лишь одна из причин, но не главная. Понимаете ли, я в некотором смысле, экспериментирую, рисую что-ли. Не тревожьтесь, пожалуйста, вы не превратитесь в чудовище - с вашей биологией я знаком достаточно хорошо. С изобразительным искусством ваших художников я знаком не меньше. Про синематограф вообще молчу, но тут вам волноваться не стоит. Правда, о том, как устроены люди, я знаю меньше. Те представления, которыми я располагаю, я почерпнул в основном из ваших книг и при этом обнаружил, что в книгах этих есть некоторые, эээ, неточности. Из-за этого я мне приходится действовать медленно и очень осторожно. Допустим, я восстановлю какой-нибудь орган, и вдруг окажется, что он не того размера или же вырабатывает не те гормоны. Я стараюсь по возможности избегать таких ошибок, а если они все-таки случаются, спешу исправить до того, как наступят вредные последствия. Понимаете, дело в том, что если открыть вам глаза, т.е. дать вам видеть, это не только вернуть вам возможность видеть вокруг. Это еще и некий шаг для меня так как ваш образ с этого момента уже будет выглядеть по другому и... остальные моменты, возможно, уже будут воссозданы мною по другой схеме.

- Это не опасно?

- Нисколько, уверяю вас. И внутренне, и внешне вы останетесь такой же, как были.

- Внутренне? Вы, вы сумеете нарисовать, простите, воссоздать меня изнутри?!

- Я постараюсь. Я знаю что вам это не привычно слышать, но для отображения внутреннего образа существуют особые методы. И не хочу дать вам глаза, которые будут недостаточно хорошо видеть, потому, что тогда мне придется снова их удалять. И не хочу, чтобы вы видели свои, например, ноги, пока

они не отрисованы окончательно – это зрелище причинило бы вам ненужную боль. Только тогда, когда я буду уверен, что все восстановлено как было, я примусь за ваши глаза.

– А мой Дин?

– Он будет воссоздан таким же образом. Скоро его сюда перенесут, и вы с ним сможете разговаривать. А кстати, он вам кто? Почему вы говорите "мой Дин"?

– Ну я бы сказала что Дин мой лучший друг!

– Друг? Интересное наблюдение: насколько я понял вы существа разнополюе. Понятие "друг" я не встретил ни в одной книге по биологии, т.е. какой ваш орган отвечает за это для меня пока неведом. Может вы мне подскажите где это?

– О, пожалуй я не смогу вам объяснить это в двух словах.

– Странно, странно, понятие есть, а локализовать его не удастся. Хотя очень даже допускаю, что это больше для собственного успокоения. Дин тоже упомянул его, но совершенно на этом не настаивал.

– Так вы не хотите, чтобы он или я видели друг друга... незавершенными?

– Скорее несовершенно. Лучше не надо. Могу уверить вас: когда я закончу ремонт, вы станете почти точно такой же, какой были прежде. Когда придет время, у вас открою глаза и вы сможете ими видеть.

Она молчала, и он заговорил снова:

– У вашего Дина были и другие вопросы. Вы тоже можете их задать.

– Простите, создатель... Я отвлеклась. Что вы сказали?

– Он повторил, и она ответила:

– Других вопросов у меня нет. Вот только... Нет, пока я их задавать не стану. Что хотел знать Дин?

– Кто я и мне подобные. Как случилось, что я занимаюсь вами. Почему я это сделал. Что намерен с вами делать, когда вы будете восстановлены.

– Да, я тоже обо всем этом думала.

– Я могу ответить только на часть ваших вопросов – надеюсь, мой ответ хоть в какой-то степени вас удовлетворит. Наши методы, как вы, возможно, уже поняли, несколько опередили ваши. Мы раньше начали, – словно извиняясь, сказал он.

– Если вы способны восстанавливать не только органы, но и души, вы опередили нас на тысячи лет.

– Мы можем и многое другое, но об этом не стоит говорить. Скажу только, что я художник-конструктор из кафе "Hollusion". Нам уже приходилось контактировать с людьми, и теперь мы стараемся, чтобы они были благодарны, – мы не хотим вызывать в них тревогу или растерянность.

– Но почему же тогда вы нас ремонтируете?

– У вас была искусственная катастрофа – из ряда вон выходящий случай. Мы не вписываемся в некоторые стандарты, но нам, как вы, возможно, сказали бы, свойственна человечность. Есть такое понятие? Или это только для современников динозавров? Мы не любим молча смотреть, как гибнут живые существа за мнимые идеалы своего бытия. Случайно мы, когда все произошло, находились в нескольких часах от вашего времени. Пространство для нас не проблема. Мы увидели – и начали действовать. Как только вы будете восстановлены, мы оставим вас в том же времени, где ваши коллеги скоро вас обнаружат, к счастью или к сожалению, решите сами позже. Надеюсь картина к тому времени будет завершенной.

– Как только я буду... Создатель, я стану точно такой, как прежде?

– В некоторых отношениях, возможно, даже более совершенной. Могу вас уверить, все ваши органы будут функционировать безупречно.

– Я не об этом. Я... Выглядеть я буду также?

Наступила тишина, выразившая, как ей показалось, его изумление, а потом она снова услышала его голос.

– Будете ли вы выглядеть так же? Это для вас... важно?

– Да... о да, очень важно! Важнее всего!

Наверно, теперь он смотрит на нее как на сумасшедшую. Внезапно она обрадовалась, что она не может видеть его изумления. И презрения – она не сомневалась, что презрение он испытывает к ней тоже.

Он заговорил медленно:

- Я об этом как-то не задумывался, а сейчас начинаю понимать: я ведь не знаю точно, как вы выглядели до того. Как же я могу сделать вас точно такой, какой вы были?

- Не знаю как, но должны! Должны! - почти прокричала она и почувствовала, как заболели от напряжения новые мышцы горла.

- У вас начинается истерика, - сказал он. - Перестаньте об этом думать.

- Не могу - я только об этом и думаю! Я хочу выглядеть точно так же, как выглядела раньше!

- Только внешне?

- Что? - не поняла она, и вдруг почувствовала усталость. Только что она была такой встревоженной, взволнованной, а сейчас вдруг ею овладели усталость и сонливость. Ей хотелось заснуть, забыть обо всем. "Верно, он дал мне успокаивающее, - подумала она. Сделал инъекцию? Мазнул кистью? Провел карандашом? Сделал незаметный штрих? Так или иначе, хорошо, что он это сделал. Потому, что теперь я не буду думать о..."

Она спала. А когда проснулась, услышала новый голос. Она его не узнала, но он сказал:

- Привет, Марго! Где ты?

- Кто это?... Дин!

- Марго?

- Д-да.

- У тебя другой голос.

- У тебя тоже. Сначала я не могла понять, кто это говорит.

- Странно, как мы не подумали сразу, что голоса у нас теперь изменятся.

- Мы больше привыкли думать о том, как мы выглядим, - сказала она дрожащим голосом.

Он молчал, потому что думал о том же.

- Твой новый голос совсем не плох, - снова заговорила она. - Мне нравится - он стал глубже, звучнее прежнего. Очень подходит к твоему характеру. Создатель хорошо поработал.

- Я сейчас думаю, нравится ли мне твой. Не знаю. Пожалуй, я из тех, кто предпочитает привычное.

- Потому то я и не хочу, чтобы он хоть в чем-нибудь меня изменил.

Снова молчание.

- Дин! - снова окликнула она.

- Я здесь.

- Ты говорил с ним об этом?

- Заговорил он сам. Сказал, что ты тревожишься.

- А по-твоему, разве это не важно?

- Пожалуй, важно. Он сказал мне, что технически все будет сделано наилучшим образом - у нас будут правильные черты лица и безупречная кожа.

- Мне не это нужно, мне нужно мое собственное лицо, с неправильными чертами! Голос не так важен, но мое лицо пусть мне вернут!

- Ты многого хочешь. Не достаточно ли он уже для нас сделал?

- Для меня - все равно что ничего, если он не вернет мне моего лица!.. Я веду себя глупо, да?

- М-м-м... Видишь ли...

- Я не хочу быть красивой, потому что знаю - этого не хочешь ты.

- Кто тебе сказал? - изумленно спросил он.

- Ты думаешь, что я, зная тебя два года, этого не поняла? Если бы тебе нужна была красавица, ты бы такую и выбрал. Но ты выбрал меня - хотел быть красивее. Я знаю, что для тебя это важно - не пытайся отрицать.

- Ты хорошо себя чувствуешь, Марго? Ты говоришь как-то возбужденно.

- Нет, очень логично. Будь я уродкой или красавицей, ты бы меня ненавидел. Если бы я была уродкой, люди бы жалели тебя, и ты бы этого не мог вынести, если бы я была красавицей, тебя, возможно рядом со мной перестали замечать. Я же просто некрасивая - как раз настолько, чтобы все удивлялись, как это тебя угораздило. Я будто специально создана для того, чтобы служить тебе фоном.

Он ответил не сразу:

- Мне и в голову не приходило, что ты обо мне такое думаешь. Очень глупо, Марго. Я выбрал тебя, потому что тебя любил.

- Может быть. Но почему ты любил меня?

- Не будем в это углубляться, - примирительно сказал он. - Скажу одно, Марго: ты говоришь ерунду. Мне все равно, уродка ты или красавица... нет, если сказать правду, то не все равно, но внешность - это не самое главное. На мои чувства к тебе оно почти не влияет. Я люблю тебя за твой характер, за твою личность - остальное для меня второстепенно.

- Я не знала. Я думала за характер и даже личность лучше уважать.

Дин, не надо меня обманывать. Я хочу быть такой же, как прежде, потому что знаю: именно такой я тебе нужна. Неужели нет никакого способа объяснить ему, как мы выглядели раньше? У тебя хороший глаз - вернее был. Может, ты ему как-нибудь нас опишешь?..

- Марго, будь разумной, ты же прекрасно знаешь, что по словесному описанию нельзя судить ни о чем, - голос его звучал почти умоляюще - И хватит об этом, ладно? Я вовсе не против того, чтобы лицо у тебя было правильное, как с картинки анатомического альбома Бориса Вальехо, и...

- Вот именно, как с Вальехо! - взволнованно перебила она его. - Дин, помнишь стерео, который мы сделали перед самым отпуском?

- Но альбом потерял, дорогая, из снимков ничего не осталось.

- Раз они смогли найти нас, значит, какие-то вещи остались неповрежденными. Может, одна картинка уцелела!

- Марго, ты требуешь невозможного. Мы не знаем, где сейчас наш альбом. Кафе, в котором работает создатель, открыто только для встреч, а не расставаний. Крохи от нашего альбома остались далеко позади. Возвращаться ради того, чтобы их собирать, никто не станет.

- Но ведь только так... только так можно... Другого способа нет!

Силы покинули ее. Будь у нее глаза, она бы заплакала, но сейчас плакала только ее душа.

Должно быть, его унесли, потому что никто не откликнулся на ее рыдания. А потом она вдруг почувствовала, что плакать не из-за чего. Более того, на душе у нее стало легко и весело, и неожиданно пронзила мысль: "Создатель дал мне какого-то лекарства - он не хочет, чтобы я плакала. Хорошо, не буду. Буду думать только о приятном, буду радоваться..."

Вместо этого она заснула крепким, без сновидений сном.

Проснувшись, она вспомнила о разговоре с Дином, и ее охватило отчаяние. "Придется рассказать все создателю, - подумала она. - Может, он что-нибудь придумает. Да, я требую слишком многого, но без этого, но без этого все, что он для меня сделал и делает, потеряет всякую ценность. Лучше умереть, чем стать не такой, какой я была!"

Но оказалось, что необходимости говорить с создателем нет, - он уже все знал от Дина.

"Значит, и Дин признает, что это важно, - подумала она. - Больше он не сможет этого отрицать".

- Вы просите невозможного, - сказал создатель.

- Невозможного? Вы даже не попытаетесь?..

- Ваш альбом остался в десяти сутках от нас. Вернуться назад вы не можете. И мы не вправе тратить время на поиски стерео, который к тому же вряд ли уцелел.

- Вы правы, создатель... Простите меня.

Похоже, он прочитал ее мысли, потому что добавил:

- Не стройте в отношении себя никаких планов, вам все равно не удастся причинить себе никакого вреда.

- Ничего, что-нибудь придумаю. Раньше ли, позже ли, но придумаю обязательно.

- Вы ведете себя неразумно. Мне бы хотелось знать, много ли существует людей, психологически вам подобных.

- Не знаю, мне все равно. Я знаю только одно: для меня это важно.

- Так расстраиваться из-за какого-то пустяка! Ведь насколько нам известно, внешние различия между различными человеческими особями одного пола совершенно незначительны.

- Это для вас различия незначительны, потому что вы не знаете о людях -

мужчинах и женщинах – ровным счетом ничего! Для Дина же и для меня это вопрос жизни и смерти.

Сейчас впервые в ответе создателя прозвучало некоторое раздражение:

– Вы как дети, но иногда ребенку следует уступить. Я подумаю, что можно сделать.

Но что можно тут сделать? Где-то во времени несутся остатки их альбома, а в них – стерео, который даже не попытаются найти. Может, создатель попросит, чтобы Дин описал ее? Самый лучший художник на земле не сумеет создать точный портрет по одному лишь описанию; чего же ждать от существа, для которого все мужчины на одно лицо и все женщины – на другое?

Она лежала, погруженная в свои мысли, и почти не замечала, как бежит время. Но постепенно она начала ощущать легкое покалывание, которое распространялось по всему телу. Прежняя боль медленно отступала и наконец исчезла совсем. Назвать болью то, что она чувствовала теперь, было никак нельзя. Скорее было даже приятно – казалось, кто-то мягко массирует ее тело, растягивает мышцы, настраивает нервы.

И вдруг она поняла: это создатель приступил к завершающему этапу.

Когда она это осознала, по ее щекам покатались слезы. "Слезы, – подумала она, – настоящие слезы, я их чувствую. Я снова могу плакать. Но до сих пор нет глаз... или, может быть, они тоже появились? Временами мне чудятся какие-то вспышки. Должно быть, он восстанавливает глаза медленно, и сначала привел в порядок слезные протоки. Не забыть сказать ему, что глаза у меня были синие. Не хочу, чтобы они были другого цвета, – он не пойдет к моему лицу".

И в следующий раз, когда создатель с ней заговорил, она попросила его об этом.

– Пусть будет, как вы хотите, – добродушно ответил он, словно убаюывая капризного ребенка.

– И еще, по поводу альбома...

– Это невозможно, как я уже вам сказал. К тому же в этом нет необходимости. – Он помолчал, будто заранее предвкусывая эффект, который произведут его слова. – Я посмотрел наш архив. Как и следовало ожидать, ваш альбом был тщательно пересмотрен – мы надеялись получить информацию, которая помогла бы нам лучше вас понять. Во время поисков были найдены нами стерео – около десятка. И еще...

– Десятка?! Но откуда?

– Видимо, от волнения вы забыли, что снимков не один, а больше. Судя по всему, на них изображены вы и ваш друг. Но снимали, очевидно, в самых разных условиях и разными камерами, потому что даже я, хотя мое зрение и работает в другом диапазоне, замечаю в изображениях некоторые различия. Может быть, вы скажете, какое из них взять за образец?

– Лучше, если я поговорю об этом с Дином, – медленно вполголоса произнесла она. – Можно... перенести его сюда?

– Конечно. Вы хотите выбрать?

– Ну... да. Разумеется.

– И вам десятка должно хватить?

– А почему нет?

– А почему да? Вы ведь предпочитаете иметь выбор и также иметь право делать этот выбор? Так ли это у вас происходит, когда вы получаете то что выбрали.

Она лежала и думала. Десяток! Она помнила только один, единственный, один-единственный. И выбор одного из десятка. Хотя, с другой стороны, если был один выбора никакого. А что, если? Ах, если бы могла видеть!

– С другой стороны, выбор существует всегда, даже когда имеется всего один вариант, один-единственный. – медленно закончил он свою мысль.

К Марго неспеша, ненавязчиво поначалу, дошел смысл последней фразы создателя, но тут она услышала Дина.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дин новым голосом.

– Как-то странно – такое чувство, будто попала под самый приятный массаж в мире.

- И у меня тоже. Наверно, скоро мы станем такими же, как прежде.

- Ты думаешь?

- Что ты имеешь в виду, Марго? - в его тоне сквозило неподдельное удивление, и она представила себе, как при этом он морщил лоб.

- Разве создатель тебе не сказал? Они таки нашли в альбоме стерео и взяли их с собой. Теперь они могут восстановить наши лица.

- По-моему, именно этого ты и хотела?

- Но чего хочешь ты, Дин? Я помню только один снимок, а создатель говорит, что нашли около десятка. И по его словам, на каждом из них мое лицо отличается от предыдущих.

Дин молчал.

- Дин, а они красивее меня?

- Ты не понимаешь, Марго.

- Все понимаю. Я хочу только знать... снимки были сделаны до нашей встречи или потом?

- Конечно, до. После я ни с кем больше не встречался.

- Спасибо, милый.

- Слова эти, сказанные ее новым голосом, прозвучали ядовито, и она себя одернула. "Я не должна так разговаривать, - пронеслось у нее в голове. - Я знаю Дина, знаю его слабости, знала их до того, как встретила его. Нужно принимать его таким, какой он есть, и помочь ему, а не придирааться".

- Этих девушек я знал мало, и знакомства были недолгими, - снова заговорил он, - внешне привлекательные, но в остальном не бог весть что. С тобой не сравнить.

- Не надо извиняться. - На этот раз ее голос прозвучал мягко, и ему показалось даже, что она улыбается. - Ты же не виноват, что нравился женщинам. Почему только ты не сказал мне про эти снимки раньше?

- Боялся, что будешь ревновать.

- Может, и поревновала бы, но это бы прошло. Скажи Дин, а среди них есть кто-нибудь, кто особенно бы тебе нравился?

Ей показалось, что он насторожился. Сдержанным, бесстрастным голосом он сказал:

- Нет. А что?

- Ты переспросил! Просто я подумала: может, ты захочешь, чтобы меня сделали похожей на нее.

- Не говори глупостей, Марго! Я не хочу, чтобы ты была похожа на кого-нибудь другого. Не хочу больше видеть эти пустые лица!

- Но я думала...

- Скажу создателю, что остальные снимки они могут оставить себе. Пусть поместят в какую-нибудь рекламу вместе с другим интернетом. Для меня они равным счетом ничего не значат уже давным-давно. Я и не выбросил их потому, что совсем забыл о них.

- Хорошо, Дин, я попрошу создателя, чтобы за образец он взял снимок, на котором мы вместе.

- Тот, крупным планом... Только смотри, чтобы он не перепутал!

- Постараюсь объяснить ему.

- А то в дрожь бросает, как подумаешь, что до конца жизни придется смотреть на какое-нибудь из этих пустых лиц. Только бы он не перепутал - я хочу видеть твое лицо, а не чье-то другое.

- Хорошо, милый.

Об одном, правда, она не подумала: на сколько же лет будут выглядеть они с Дином? Создатель ведь в этом не разбирается, и может безо всякого дурного умысла сделать их старше. Пусть лучше сделает их помоложе, если сможет, но только бы не сделал старше. Только на сколько? Черт, а ведь он может сделать нас похожими, т.е. копию на.., да на кого угодно! Ух, аж дух захватывает... Нет, не надо, зачем миру второй Делон и еще одна Мадонна?

И когда создатель снова с ней заговорил, напомнила ему о своем желании. И ей о пять показалось, что, говоря с ней, он сдерживает снисходительную улыбку.

- Хорошо, - сказал он, - вы будете выглядеть немного моложе, чем были, но не слишком, потому что, насколько я могу судить по вашим книгам, лучше, когда, нет большого расхождения между наружностью человека и его истинным возрастом.

Она облегченно вздохнула. Все улажено. Все будет как прежде, – может, даже чуточку лучше. Они с Дином смогут подумать о семейной жизни, твердо зная, что будут также счастливы, как были до этого, – счастливы настолько, насколько некрасивая и мнительная женщина может быть счастлива с красавцем мужем.

– Кстати, я хотел сказать, что кроме стереоснимков в вашем альбоме были и голографические ролики, так сказать, с увеличенной емкостью хранения. Тоже про вас с Дином.

Марго внутренне напряглась.

– Я хотел добавить, что мне с Дином работать чуть легче не потому что он мужчина, а потому что он... уже был у нас. Чтобы вы поняли почему я просто покажу вам один ролик. Это будет для вас вроде сна...

...Пакет лежал прямо у двери – картонная коробка, на которой от руки были написаны их инициалы: "Мистеру и мисс Д+М=Л". Внутри оказалась маленькая черного цвета клавиатура с единственной подписанной кнопкой "Enter", закрытой стеклянным колпачком. Марго попыталась снять колпачок, но он не поддавался. К днищу коробочки липкой лентой был прикреплен сложенный листок бумаги: "Мистер Симпсон зайдет к вам в 20:00".

Марго перечитала записку, отложила ее в сторону и, улыбаясь, пошла на кухню готовить салат.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

– Я открою! – крикнула Марго с кухни. Дин читал в гостиной.

В коридоре стоял невысокий мужчина.

– Мисс Л? – вежливо осведомился он. – Я мистер Симпсон. – Ах, да... – Марго с трудом подавила улыбку. Теперь она была уверена, что это рекламный трюк какого-нибудь банка. Каждую неделю она выгребала из почтового ящика десятки рекламных буклетов на тему "оформляйте депозиты, берите кредиты...".

– Разрешите войти? – спросил мистер Симпсон.

– Я сейчас занята. Так что, извините, просто вынесу вам вашу...

– Вы не хотите узнать, что это?

Марго молча повернулась.

– Это может оказаться выгодным...

– В денежном отношении? – вызывающе спросила она.

Мистер Симпсон кивнул.

– Именно.

Марго нахмурилась.

– Что вы продаете?

– Я ничего не продаю, – ответил он.

Из гостиной вышел Дин.

– Какое-то недоразумение?

Мистер Симпсон представился.

– А-а, эта клавиша... – Дин кивнул в сторону гостиной и улыбнулся. – Зачем она нам вообще?

– Я постараюсь объяснить, – сказал мистер Симпсон. – Разрешите войти?

Дин взглянул на Марго.

– Как знаешь, – сказала она. Он заколебался.

– Ну что ж, заходите.

Они прошли в гостиную. Мистер Симпсон сел в кресло и вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький запечатанный конверт.

– Внутри находится ключ к колпачку, закрывающему клавишу, – пояснил он и положил конверт на журнальный столик. – Клавиатура соединена с компьютером в нашем офисе.

– Зачем? – спросил Дин.

– Если вы нажмете ее, – сказал мистер Симпсон, – где-то в мире умрет незнакомый вам человек, и вы получите 50 тысяч.

Марго уставилась на посетителя широко раскрытыми глазами. Тот улыбался.

– О чем вы говорите? – недоуменно, спросил Дин.

Мистер Симпсон был удивлен:

– Разве я не объяснил?

– Это что, шутка?

– При чем тут шутка? – Совершенно серьезное предложение...

- Кого вы представляете? - перебила Марго.

Мистер Симпсон смутился.

- Боюсь, что я не могу ответить на этот вопрос. Тем не менее заверяю вас, что наша организация весьма представительна в этом мире.

- По-моему, вам лучше уйти, - заявил Дин, поднимаясь.

Мистер Симпсон встал с кресла.

- Пожалуйста. - И захватите вашу клавишу.

- А может, подумаете день-другой?

Дин взял коробку и конверт и вложил их в руки Мистера Симпсона. Потом вышел в прихожую и распахнул дверь.

- Я оставлю свою карточку. - Мистер Симпсон положил на столик возле двери визитную карточку и ушел. Дин порвал ее пополам и бросил на стол.

- Как по-твоему, что все это значит? - спросила с дивана Марго.

- Мне плевать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

- И ни капельки не любопытно?.. Потом Дин стал читать, а Марго вернулась на кухню и закончила мыть посуду.

- Почему ты отказываешься говорить об этом? - спросила Марго.

Не прекращая чистить зубы, Дин поднял глаза и посмотрел на ее отражение в зеркале ванной.

- Разве тебя это не интригует?

- Меня это оскорбляет, - сказал Дин.

- Я понимаю, но... - Марго продолжала накручивать волосы на бигуди, - но ведь и интригует?..

- Ты думаешь, это шутка? - спросила она уже в спальне.

- Если шутка, то дурная.

Марго села на кровать и сбросила тапочки.

- Может быть, это психологи проводят какие-то исследования.

Дин пожал плечами.

- Может быть.

- Ты не хотел бы узнать? Он покачал головой.

- Но почему?

- Потому что это аморально.

Марго забралась под одеяло. Дин выключил свет и наклонился поцеловать ее.

- Спокойной ночи...

Марго сомкнула веки. 50 тысяч, подумала она.

Утром, выходя из квартиры. Марго заметила на столе кусочки разорванной карточки. Повинуясь внезапному порыву, она кинула их в свою сумочку.

Во время перерыва она склеила карточку скотчем. Там были напечатаны только имя мистера Симпсона и номер мобильного телефона.

Ровно в пять она набрала номер.

- Слушаю, - раздался голос мистера Симпсона. Марго едва не дала отбой, но сдержала себя.

- Это мисс Л.

- Да, мисс Л? - Мистер Симпсон, казалось, был доволен.

- Мне любопытно.

- Естественно.

- Разумеется, я не верю ни одному слову.

- О, это чистая правда, - сказал мистер Симпсон.

-- Как бы там ни было... - Марго сглотнула. - Когда вы говорили, что кто-то в мире умрет, что вы имели в виду?

- Именно то, что говорил. Это может оказаться кто угодно. Мы гарантируем лишь, что вы не знаете этого человека. И, безусловно, что вам не придется наблюдать его смерть.

- За пятьдесят тысяч?

- Совершенно верно.

Она насмешливо хмыкнула.

- Чертовщина какая-то...

- Тем не менее таково наше предложение, - сказал мистер Симпсон. - Вернуть вам клавиатуру?

- Конечно, нет! - Марго с возмущением нажала отбой.

Пакет лежал у двери. Марго увидела его, как только вышла из лифта. "Какая наглость!" – подумала она. Я просто не возьму его. Она вошла в квартиру и стала готовить обед. Потом вышла за дверь, подхватила пакет и отнесла его на кухню, оставив на столе. Марго сидела в гостиной, потягивая коктейль и глядя в окно. Немного погодя она пошла на кухню переворачивать котлеты и положила пакет в нижний ящик шкафа. Утром она его определенно выбросит.

– Может быть, забавляется какой-то шизанутый бизнесмен, – сказала она. Дин оторвался от обеда.

– Я тебя не понимаю.

Они ели в молчании. Неожиданно Марго отложила вилку.

– А что, если это всерьез?

– Ну и что тогда? – Он недоверчиво пожал плечами. – Что бы ты хотела – взять эту клавишу и нажать "Enter"? Убить кого-то?

На лице Марго появилось отвращение. ;

– Так уж и убить...

– А что же это, по-твоему?

– Но ведь мы даже не знаем этого человека.

Дин был потрясен.

– Ты говоришь серьезно?

– Ну а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за двести тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?

– А если это какая-нибудь малютка из садика? – возразил Дин. – Прелестная девчушка с соседней улицы?

– Ты нарочно все усложняешь.

– Какая разница, кто умрет? – продолжал Дин. – Все равно это убийство.

– Значит, даже если это кто-то, кого ты никогда в жизни не видел и не увидишь, – настаивала Марго, – кто-то, о чьей смерти ты даже не узнаешь, ты все равно не нажмешь ее?

Дин пораженно уставился на нее.

– Ты хочешь сказать, что ты нажмешь?

– Пятьдесят тысяч !!!

– Причем тут...

– Пятьдесят тысяч, Дин, – перебила Марго. – Мы могли бы позволить себе путешествие в Европу о котором всегда мечтали.

– Марго, нет.

– Мы могли бы купить тот коттедж...

– Марго, нет. – Его лицо побелело. – Ради бога, перестань.

Марго пожала плечами.

– Как угодно.

Она поднялась раньше, чем обычно, чтобы приготовить на завтрак Дину блины, яйца и бекон.

– По какому поводу? – с улыбкой спросил Дин.

– Без всякого повода. – Марго обиделась. – Просто так:

– Отлично. Мне очень приятно. Она наполнила его чашку.

– Хотела показать тебе, что я не эгоистка.

– А я разве говорил это?

– Ну, – она неопределенно махнула рукой, – вчера вечером...

Дин молчал.

– Наш разговор о ..., – напомнила Марго. – Я думаю, что ты неправильно меня понял.

– В каком отношении? – спросил он настороженным голосом.

– Ты решил, – она снова сделала жест рукой, – что я думаю только о себе...

– Так вот, нет. Когда я говорила о Европе, о коттедже...

– Марго, почему это тебя так волнует?

– Я всего лишь пытаюсь объяснить, – она судорожно вздохнула, – что думала о нас. Чтобы мы поехали по Европе. Чтобы мы купили коттедж. Чтобы у нас была лучше квартира, лучше мебель, лучше одежда. Лучше, лучше, лучше... Чтобы мы, наконец, позволили себе ребенка, между прочим.

– У нас будет ребенок.

– Когда?

Он посмотрел на нее с тревогой.

– Марго...

– Когда?

- Ты что, серьезно? - Он опешил. - Серьезно утверждаешь...

- Я утверждаю, что это какие-то маркетинговые исследования! - оборвала она. - Что они хотят выяснить, как поступит средний человек при таких обстоятельствах! Что они просто говорят, что кто-то умрет, чтобы изучить нашу реакцию! Ты ведь не считаешь, что они действительно кого-нибудь убьют?!

Дин не ответил; его руки дрожали. Через некоторое время он поднялся и ушел. Марго осталась за столом, отрешенно глядя в кофе. Мелькнула мысль: "Я опоздаю на работу..." Она пожала плечами. Ну и что? Она вообще должна быть дома, а не торчать в конторе...

Убирая посуду, она вдруг остановилась, вытерла руки и достала из нижнего ящика пакет. Марго положила клавиатуру на стол, вынула из конверта ключ и удалила колпачок. Долгое время она сидела, глядя на нее. Как странно... ну что в ней особенного?

Марго вытянула руку и нажала на "Enter".

"Ради нас" - раздраженно подумала она.

Что это происходит? На миг ее захлестнула волна ужаса.

Волна быстро схлынула. Марго презрительно усмехнулась. Нелепо - так много уделять внимания мелочам.

Она швырнула клавиатуру, колпачок и ключ в мусорную корзину и пошла одеваться. Она жарила на ужин отбивные, когда зазвонил телефон. Она поставила стакан с мартини и взяла трубку.

- Алло?

- Мисс Л?

- Да.

- Вас беспокоят из больницы "Горайзен тауерз"...

Марго слушала будто в полусне. В толкучке Дин упал с платформы прямо под поезд метро. Рядовой несчастный случай. Повесив трубку, она вспомнила, что Дин застраховал свою жизнь на 25 тысяч, а с двойной компенсацией при наступлении... Нет. С трудом поднявшись на ноги, Марго побрела на кухню и достала из корзины клавиатуру. Никаких винтиков или шурупов... Вообще непонятно, как она была собрана. Внезапно Марго стала колотить ею о край раковины, ударяя все сильнее и сильнее, пока корпус не треснул. Внутри ничего не оказалось - ни микросхем, ни проводов...ничего. Клавиатура была пуста. Марго вздрогнула, когда опять зазвонил телефон. На подкашивающихся ногах она прошла в гостиную и взяла трубку. Раздался голос мистера Симпсона.

- Вы говорили, что я не буду знать того, кто умрет! - крикнула она.

- Моя дорогая мисс Л, - сказал мистер Симпсон. - Вы и в самом деле полагаете, что знали своего Дина?

Ее мозг упорно не хотел верить показанному, но программа сна также настойчиво не отпускала его в реальность. "Нет, нет, это только сон, только сон..." - продолжала спать Марго.

Сквозь непонятную дрему она услышала:

- Полагаю, ваш сон еще не окончен. Чтобы вы не скучали, я вам покажу еще один, чтобы вы не спешили отвечать на вопрос мистера Симпсона.
- Ми.. мистер Симпсон тоже работает в вашей фирме? - отпечатало ее спящее сознание.
- Хм, нет, он из альтернативной организации! Насколько я могу судить, без работы он не останется.

... на входной двери кафешки пропел колокольчик, весело вещающий о приходе нового посетителя. Высокий статный мужчина, в меру баллованный жизнью, неспеша подошел к стойке бара.

- Добрый день.
- Добрый день! Чай, кофе, кальян? Закажете что-нибудь из меню?
- Нет, спасибо. Мне нужен мистер Орни.
- Мистер Джейк Орни? Простите, как вас представить?
- Скажите просто - Дин. Я по рекомендации.
- Минутку...

Некоторое время было заметно, что посетитель слегка нервничает. Когда к нему вышел Джейк волнение его еще больше усилилось.

- Слушаю вас, мистер Дин. Ко мне редко обращаются по рекомендации, надеюсь ваш вопрос стоит того.
- Да, да, конечно. Дело в том что мне срочно нужно зелье, тьфу черт, добавка к зеленому чаю, чтобы...

На лице Орни не дрогнул ни один мускул, но тем не менее он вежливо но настойчиво прервал гостя:

- Я бы попросил вас не упоминать нечистого! В нашем заведении это не принято. Вы уверены, что не ошиблись адресом?
 - Я? О конечно. Но рекомендация от...
 - Ок, не надо имен. Скажите, мистер, а какая добавка вам нужна?
 - Видите ли, у меня есть одна молодая особа, от которой я без ума.
 - Поздравляю!
 - Погодите! Не с чем! Дело в том, что она на меня не обращает никакого внимания. Я для нее ноль без палочки.
- Орни усмехнулся:
- Обычное дело. Нука глянем, где тут у нас Exclusive Menu. Ага, вот, как и раньше, на первой странице. Называется она..., впрочем название вам ни к чему. Хм, отличная вещица. Одна чайная ложечка на чашку Ahmad или Lipton, Forsman не рекомендую, в порыве страсти можете сами хлебнуть... и она в вас души будет не чаять! Будет волноваться за вас по любому поводу и в любое время. Будет переживать за вас по любому пустяку! Постоянно будет ждать вас, где бы вы ни были. Не ляжет спать сама как бы поздно вы не вернулись домой. Она захочет заполнить собой всю вашу жизнь!
 - Она уже заполнила, только ей все равно, - пробурчал гость.
 - Даже если вы оступитесь будет мучиться, но... все равно простит вас. Будет заботиться о вас, лелеять сутки напролет, вызубрит только ваше имя. Будет согревать вас в холода, и приносить прохладительные коктейли в зной. Будет по утрам приносить вам ваши тапочк... хотя нет, стоп, тапочки по другой позиции.
 - Я понял, сэр. Сколько?
 - А вот на следующей страничке наша новинка! Это из рецепта "Дикий кофе". Вы знаете, пользуется не меньшим спросом, хотя и стоит на порядок другой больше.
 - Замечательно. Но мне нужна эта первая... сколько, сколько она стоит?
 - Новинка вообще оригинал в своем роде. Одна капля на чашечку кофе и... решение большой проблемы, так сказать, полная очистка. Не имеет ни запаха, ни цвета, растворяется без следа, результат стопроцентый! И всего пятьдесят тысяч! Замечательная вещь, нарасхват! И берут ее и джентльмены, и дамы, кто даже чаще, трудно сказать. Бывает пары заходят, и тайком друг от друга каждый по штуке, вот забавно...
 - Сер, я... у меня необходимость...я могу? Сколько?
 - Что? Ах, эта. Да сущую ерунду, пятьдесят за флакон. Но вот эта! Ооооо, даже заявку на патент копирайта подали ради прикола... вот народ. А ведь тоже поначалу покупают зелье.
- Гость торопливо отсчитал десять пятерок и жадно схватил флакончик в руки:
- Спасибо сэр, и... и прощайте!
- Орни услышал колокольчик за посетителем, когда тот уже мчался по улице.
- До свидания, мистер. - тихо произнес он.

Теперь, когда с создателем все было улажено, время потянулось медленней прежнего. Глаза тоже восстанавливались. Она начала чувствовать основания пальцев и все чаще видела вспышки света - оживали глазные нервы под чуткими мазками художника. Иногда ощущались легкие боли, но теперь она понимала, что это приятные боли, а значит, воссоздания, и была им рада.

И наконец настал день, когда он сказал:

- Вы здоровы. Через сутки, если пользоваться принятой к вам мерой времени, я сниму повязки.

Ее новые глаза наполнились слезами.

- Создатель, как мне отблагодарить вас?

- Не нужно никакой благодарности, я занимался своим делом.

- А что теперь будет с нами?

- Мы подобрали старое уютное кафе в центре города, посетителей пока нет, привели его в порядок и принесли в него несколько эксклюзивных сортов чая и кофе, взятые по нашему меню. Одного глотка будет более чем достаточно и вы сможете вернуться к своим коллегам.

- Но неужели я... так и не смогу вас увидеть?

- Это было бы нежелательно. По некоторым соображениям я предпочитаю не показываться. И по этой же причине я позабочусь, чтобы вы не унесли с собой ни одного инструмента.

- Если бы я могла хотя бы пожать руку... сделать еще что-нибудь.

- Простите, но руки здесь не причем.

- Не руки? Но как же тогда... как вам удастся делать такие сложные композиции?

- Я не вправе говорить об этом. Но пусть вас это не удивляет, ибо вы сами знаете, к примеру, что есть способ рисования при котором художник не касается холста, хотя такой способ всем доступен. Простите, что оставляю вас в большом неведении, но поступить иначе я не могу. Вы хотели бы поговорить с Дином до того, как заснуть?

- А обязательно нужно, чтобы я заснула? Я так взволнована... так хочется соскочить с дивана, сорвать повязки и посмотреть на себя!

- Если я вас правильно понял, вы не очень желаете поговорить сейчас с Дином.

- Сперва я хочу себя увидеть!

- Как скажете. Но сперва вам придется немного подождать. Во время сна повысят тонус и силу ваших мышц и вы подвергнетесь заключительному экспертному обследованию. Это очень важно.

Она хотела его перебить, но он остановил ее:

- Постарайтесь успокоиться. Я могу управлять вашими чувствами при помощи красок, но лучше, если вы справитесь с ними сами, - потом у вас появится возможность дать им выход. А теперь я должен вас оставить. Больше вы не услышите обо мне никогда.

- Никогда?

- Никогда. Прощайте.

На миг она почувствовала, как ко лбу ее прикоснулось что-то прохладное и шероховатое. Она попыталась поднять руку и дотронуться до лба, но не смогла, и только сказала сквозь слезы:

- Прощайте, создатель!

Когда она заговорила снова, ответом ей было молчание.

Она заснула.

На этот раз пробуждение было другим. Еще не открывая глаз, она услышала негромкую музыку.

Когда она попыталась сесть, веки ее разомкнулись и она увидела, что лежит на диване прикрытая толстым пледом. Медленно, неуверенными движениями она начала снимать плед. Отвернув один край, остановилась и начала разглядывать свои руки - сильные, гибкие, красивые, покрытые легким заггаром. Она несколько раз согнула и разогнула пальцы. Превосходные руки! Он не обманул ее надежд.

Сбросив плед, Марго встала на ноги. Она ждала головокружения, но его не было. Никакого ощущения слабости, хотя оно было бы вполне естественно после такого долгого пребывания во вне. Она чувствовала себя великолепно.

Она оглядела свои ноги, тело - придирчиво, словно оглядывала ноги и тело незнакомой женщины. Сделала несколько шагов вперед, отступила назад. Да, он не обманул ее надежд. Тело было красивое, привлекательное, большего нельзя было ожидать. Класс! А лицо?

Она повернулась, ища глазами зеркало, и услышала:

- Марго!

С кресла напротив поднимался Дин. Они впились взглядами друг в друга и замерли.

- В спальне должно быть зеркало, - после долгого молчания, запинаясь, проговорил Дин. - Я хочу себя увидеть.

Они нашли зеркало и остановились, глядя в него, переводя взгляд с одного лица на другое, и на этот раз молчание длилось дольше и было

тягостней.

Каким изумительным художником оказался создатель! С какой точностью, черту за чертой, воссоздал он их лица. Линия лба, волосы, высота скул, форма и цвет глаз, контуры носа, губ, подбородка – все было как прежде. Все.

Кроме общего впечатления. Раньше она была так себе, теперь стала красивой.

"Следовало предположить, что такое возможно, – думала она. – Случается, видишь двух сестер или мать и дочь одинаковыми чертами, будто их лица отлиты в одной форме, и все таки одно из них не очень, а другое прекрасно. Точно скопировать черты лица могут многие художники, но немногим дано копировать красоту и ее противоположность. Создатель чуточку ошибся – он сделал мое лицо лучше, чем оно было. А лицо Дина – хуже. Теперь Дина не назовешь красавцем. Правда, он и не урод: его лицо стало сильнее и значительнее. Но теперь я красивее! И примириться с этим он не захочет. Для нас все кончено".

Дин глядел на нее и улыбался до ушей.

– Ну и подружку я себе отхватил! Ты только посмотри на себя! Можно, немного погрущу?

– Дин, милый, мне так жаль! – неуверенно проговорила она.

– Почему? Из-за того, что он дал тебе больше, чем ты просила, а мне меньше? Какая разница, все осталось с нами!

Не надо притворяться, Дин, я знаю, каково тебе сейчас.

– Ничего ты не знаешь! Я просил его сделать тебя красивой. Я не был уверен, что он сможет, но все равно просил. И он сказал, что постарается.

– Ты просил его? Не может быть!

– Еще как может! Ты недовольна? Я надеялся, что он и меня не обидит, но... Послушай-ка, ты что, я тебе привлекателен только из-за моей наружности?

– По-моему, ты должен знать, из-за чего!

– Вот и я тоже не из-за этого. Я ведь говорил об этом раньше, только ты мне не верила. Может, хоть теперь поверишь.

– Может быть... Может и вправду внешность не так уж и важна, – с трудом проговорила она. – Возможно, я была неправа – не понимала, что важно, а что нет.

– Конечно, не понимала. Но из-за того, что считала себя некрасивой, ты всегда чувствовала себя неполноценной, а теперь у тебя не будет для этого никаких оснований. И быть может, теперь мы немного повзрослеем.

Она кивнула. Было так удивительно, что он обнимает ее руками, которых она никогда еще не касалась, целует губами, которые ее не целовали. "Но это неважно, – подумала она. – Важно знать, что каков бы ни был наш облик, мы – это мы. Знать, что теперь уже ничто не омрачит наших отношений, – и все благодаря волшебнику".

– Дин, – сказала она вдруг, по-прежнему прижимаясь щекой к его груди, – как, по-твоему, можно быть влюбленной в двоих сразу, если в тому же один из этих двоих... не человек, а неизвестно кто?

Дин молча смотрел на снимки, которые выпали из альбома на мягкий ковер. Даже на первый взгляд было заметно, что люди на всех снимках разные.

...день. За столиком "Hollusion" был всего один посетитель и одна чашечка кофе.

– Привет Джейк.

– Привет.

– Ты выглядишь уставшим. Опять заработался? Все решаешь свои задачки? Как обычно. Совсем седым станешь!

– Да, как обычно. Только что закончил. Запиши на мой счет: полная замена батареек.